

Татьяна Гармаш-Роффе ВЕДЬМА ДЛЯ ИНКВИЗИТОРА Стокгольмский синдром

*Автор благодарит
за консультации Клода
Роффе и Натана
Заблоцкиса*

*Все события и
действующие лица
романа являются
вымышленными, любое
совпадение с
действительностью
может быть только
случайным.*

* * *

...Совершенно непонятно, каким образом, но он забыл дома паспорт. Хорошо, вовремя спохватился, до самолета должен успеть, если гнать. И он гнал, за сто зашкаливало. Ярославка была относительно свободной, и гаишники — давно добрые, щедро подмазанные друзья — только ручкой приветственно делали: проезжай, мол,

родной, для тебя все, что хочешь.

Марк притормозил перед воротами своего загородного дома, машину во двор заводить не стал, шоферу и охраннику кивнул: «Я туда и обратно».

— Май! Майчонок! — позвал, войдя в дом.

Но жена не откликнулась, должно быть, была наверху. Марк колебался: дозваться все-таки, чтобы поцеловать еще разок свою золотоволосую девочку, или бежать скорее обратно к машине — утром попрощались, чего уж там, она его не ждет, даже не знает, что он за забытым паспортом примчался...

— Майчонок! — крикнул он снова для верности.

Наверное, в наушниках музыку слушает, она их почти не снимает, все делает в них: читает, хозяйничает, гуляет. Марк даже беспокоился: слух, говорят, от них снижается...

Пойти наверх? Нет, надо торопиться. Марк схватил паспорт — он лежал на виду, на каминной полке, и когда только он его туда положил? — потом листок бумаги и, присев на край стула, черкнул: «Забыл паспорт, заезжал домой, тебя не дозвался, тороплюсь, целую, люблю». И поставил свою красивую, с росчерком подпись.

Тихий звук за спиной привлек его внимание, и Марк хотел было обернуться, но неожиданно

почувствовал резкий прострел под лопаткой, словно вступил радикулит, какой-то там шейно-плечевой, о котором он знал только понаслышке. Стало трудно дышать.

«Да что же такое? — удивился Марк, тяжело разворачиваясь от стола. — А вдруг инфаркт? — подумал он. — Вдруг разрыв сердца?»

Поворачиваться было неимоверно больно, он сжался, схватился за грудь и еще больше удивился, когда увидел на своей руке кровь. Марк с трудом встал, опираясь окровавленной ладонью о стол, и понял, что рука испачкалась от рубашки, и он бы удивился этому несравненно сильнее, но не успел: он умер.

От разрыва сердца.

Пулевого.

* * *

— А это обязательно? — поморщился Алексей Кисанов, когда Александра, придирчиво изучив содержимое шкафа, выбрала и подала ему галстук.

— Нет, — сказала она, — но ты мне нравишься в галстуке.

— Ага, без галстука я тебе не нравлюсь, надо понимать? — Алексей внимательно следил в зеркале за своими пальцами, не слишком ловко

справлявшимися с узлом.

— Нравишься. И без всего остального тоже.

— Звучит обнадеживающе...

— «Надежды юношей питают...»

— О, меня в юноши зачислили! Ты сегодня необыкновенно любезна. А что питает девушек?

— Юноши. Когда становятся их мужьями и перестают питаться надеждами.

— Смотри-ка, до чего ловко мир устроен! Когда я слушаю твои комментарии, мне кажется, что я смотрю передачу «В мире животных».

— А когда их не слушаешь, то просто в мире животных живешь.

— Ага. — Алексей внимательно изучил плоды своих трудов, развязал галстук и принялся заново мастерить подлый узел под насмешливым взглядом Александры. — Это типа того, что люди едят зверей, а звери едят людей?

— В основном люди едят друг друга. Зверям мало достается.

— Невеселая картина.

— Веселая или нет, но через десять минут ты отправишься прямо в пасть к одному из представителей самых опасных человеческих хищников. Если ты об этом забудешь хоть на минуту — ты проиграешь...

«Человеческий хищник», а именно Аркадий Усачев, известный ведущий, около месяца тому

назад пригласил Алексея в свою телепередачу «Автопортреты». Известен же был Усачев своими провокационными вопросами, умением втягивать гостей в полемику и вытаскивать из них информацию, интимную и компрометирующую. Невинное на первый взгляд название «Автопортреты» имело самый что ни на есть издевательский подтекст: это были, по существу, авторазоблачения, нечаянный ментальный стриптиз, в орбиту которого были искусно вовлечены не только приглашенные, но и прочие лица, оставшиеся за кадром. И сыпались в эфир семейно-постельные секреты, выставлялась на всеобщее обозрение подноготная бизнеса, выворачивалась изнанка политических деятелей и их деятельности перед глазами миллионов избирателей...

* * *

... Через некоторое время Майя спустилась вниз, закричала, точнее, завизжала, даже за воротами ее услышали охранник и шофер; они уже мчались к дому, пока не понимая, имеют ли право туда ворваться, беда ли приключилась или просто супруги поссорились. Майя, охваченная истерикой, глядела побелевшими от страха глазами на двоих мужчин, замерших у раскрытого окна в короткой

напряженной стойке; под их цепкими, быстрыми взглядами ее крик сошел на нет, превратившись в тихое рыдание — «мамочки, мамочки, ой, мамочки», — и она заметалась между неподвижным телом мужа и пистолетом, черное блестящее тельце которого четко выделялось на фоне бледно-зеленого ковра.

Когда двое за окном поняли, что это не супружеская ссора, и ворвались в дом, Майя, пятясь назад, подхватила с пола пистолет и двумя руками направила на них:

— Это не я... это не я... не трогайте меня, уйдите!.. Это не я!.. не знаю кто... я не видела...

Мужчины растерянно смотрели то на Майю, то на тело Марка, завалившееся в неуклюжей позе на бок возле стула, не зная, что предпринять.

— Что случилось, Майя Максимовна? — спросил шофер Гоша спокойно и строго. — Что с Марком Семеновичем?

— Его уб-били. — Каждый звук был отбит дробью ее зубов.

Шофер шагнул было в сторону тела со словами:

— Возможно, он только ранен, надо посмотреть, может, его еще можно спасти...

— Стоять! — взвизгнула Майя. — Не двигайтесь! Марк мертв, убит, убит, убит...

Ее душили рыдания без слез, жестокие

содрогания горла и лица, растянувшие губы в некрасивой гримасе; пистолет прыгал в руках.

— Майя Максимовна, — ласково произнес шофер Гоша, — положите пистолет, зачем вы его подняли?

— Не з-знаю!.. Вы подумаете, что это я!..

— Лучше будет, если мы его положим туда, где он лежал. Надо срочно вызвать милицию! Зря вы подобрали оружие, теперь на нем будут ваши отпечатки, — увещевал ее шофер. — Он ведь лежал на ковре? Дайте мне его, я его оботру и положу на место, пусть милиция разбирается...

Он не стал подходить к Майе, боясь ее напугать, — просто раскрыл ей навстречу ладонь.

Майя, бледная и замедленная, как загипнотизированная сомнамбула, двинулась к мужчинам, протягивая пистолет...

И вдруг ринулась к выходу мимо них. Они не успели ничего понять, как раздался шум мотора: Майя завела свою машину и, едва не врезавшись в стойку ворот, исчезла из виду.

* * *

Когда частный детектив Алексей Кисанов (для своих просто Кис) получил приглашение на телевидение, его первая реакция была: отказаться. Он сразу учуял: Усачев будет подбивать его на

конфликтный разговор о милиции. Но Кис все же решил посоветоваться с Александрой, любимой женщиной, а также известной журналисткой в свободное от его любви время¹.

...В тот день Алексею удалось закончить дела пораньше, он пришел домой первым и успел комфортно развалиться на диване. Откуда он и вещал, заслышав, что Александра, раздевшись в прихожей, направилась напрямиком в душ.

— Свет мой Алексанна Кирилна, не изволите ли сначала осчастливить меня поцелуем?

— А вы, сударь, не изволите ли задницу оторвать от дивана и потрудиться передвинуться за причитающимся поцелуем? — донеслось до него.

— По законам физики, это свет падает на предметы, а не предметы на свет!

— Учту на будущее, что ты предмет. Что же до людей, то, по законам психологии, люди тянутся к свету, — донеслось до него.

Шум душа послужил точкой в содержательной беседе.

Алексей встал, потянулся и неспешно направился к ванной комнате. Легонько приоткрыл дверь: Александра плескалась за полупрозрачной

---

¹ См. романы «Шантаж от Версаче» и «Шалости нечистой силы».

перегородкой. Мельком подумав, как он любит это тело, смутно и горячо розовеющее в пару ванной, Кисанов уже было вознамерился возлечь обратно на ложе, чтобы доиграть роль капризного патриция, как Александра произнесла, не оборачиваясь:

— Или туда, или сюда. Но закрой дверь.

— У тебя глаза на затылке, — проворчал Алексей, раздосадованный тем, что его застучали.

— На коже. Холодок из двери.

— А причитающийся поцелуй?

— Если не боишься вымокнуть...

Он вымок полностью спустя пять минут. В связи с чем разделся. В связи с чем решил тоже принять душ. В связи с чем...

В связи с чем прошло не менее часа, когда оба вывалились из душа, розовые, распаренные и сытые нежной любовной близостью.

— Меня Усачев зовет в свою передачу, — сообщил Кис, усевшись за стол.

Не желая тратить много времени на кухню, Александра готовила без изысков, но вкусно. После многих лет холостяцкой неустроенности души и быта все, что выходило из-под рук Александры, казалось Кису деликатесом, а приправленная ее обществом еда и вовсе превращалась в райскую пищу.

Их отношения по молчаливому согласию сложились в некую форму свободного союза. Каждый по-прежнему жил у себя, но почти все вечера и ночи они проводили вместе — то у него, то у нее, смотря по обстоятельствам.

Одним из «обстоятельств» негаданно стал Ванька, помощник Алексея, безалаберный студент юрфака, снимавший у детектива маленькую комнату в его трехкомнатной квартире на Смоленке в обмен на необременительную помощь в расследованиях и секретарских делах.

Появление женщины в квартире детектива Ванька принял неожиданно ревниво, как разрушение мужского братства, и всем своим видом демонстрировал Саше, что он имеет приоритетные права на эту квартиру и на ее хозяина, то бишь Алексея Кисанова. Всегдашний разгильдяй, Ванька вдруг даже заделался передовым дежурным по кухне, исправно разогревая каждый вечер полуфабрикаты и моя посуду, лишь бы не допустить самозванку к управлению их холостяцким бытом. Александра посмеивалась, но Кис чувствовал себя не слишком комфортно. Посему они чаще встречались в квартире Александры на Проспекте Мира. Но все же и на Смоленку заглядывали: Ванька ревновать — ревновал; когда Александра приходила, хамил и устраивал демонстрации, но, когда они не

появлялись больше трех дней, обижался и скучал.

— Он к тебе относится как к отцу, — резюмировала Александра.

— А то я не вижу, — буркнул Кис и подумал: «Если б я к нему относился как к сыну, уже давно бы штаны спустил наглицу да надавал хорошенько по заднице...»

Впрочем, по истечении первых двух месяцев конфликт «отцы и дети» стал потихоньку рассасываться, Ванька допустил Александру к священному алтарю кухонной плиты, хотя сам неотступно крутился рядом — то ли ревниво следил, то ли помогал. И временами до Алексея, который частенько сиживал за работой по вечерам, стали доноситься взрывы их дружного смеха с кухни.

— Ты ваще качок, Кис, — сказал в один из этих дней Ванька, — я и не знал, что ты в телках разбираешься.

Кис, охваченный педагогическим порывом, едва не ударился в разъяснения по поводу вульгарного «телки», но в конечном итоге сделал выбор в пользу мира и взаимопонимания между поколениями и коротко ответил:

— А то!

Однако спустя несколько недель воцарившийся было мир в старой квартире на Смоленской стал опять расползаться по швам.

Ванька в присутствии Александры стал как-то подозрительно бледнеть, заикаться и ронять посуду.

— Если он ко мне относится как к отцу, то в таком случае у него явно наметился эдипов комплекс, — резюмировал Кис.

Александра улыбнулась, но снова стала реже бывать у Киса.

Должно быть, воздержание от встреч с избранницей «внештатного отца» охладило юный Ванькин пыл, поскольку еще пару месяцев спустя он чинно представил Алексею девушку, чем-то неуловимо напоминающую Александру.

— Ну ты качок, Ванька, — сказал ему Кис. — Я и не знал, что ты в телках так хорошо разбираешься...

— А то! — важно ответил шалопай...

— ...И ты согласился участвовать в передаче? — спросила Александра.

— Пока нет.

— Боишься?

— Не люблю, когда из меня клоуна делают.

— На это Усачев мастер, собеседников подставляет виртуозно... Что сказал, когда приглашал?

— О, пел соловьем! Лучшие-де кадры милиции ушли в частную практику, остались одни болваны, которые к тому же, раскрыв дело

исключительно с помощью высокоодаренного частного детектива, приписывают все подвиги себе и получают звания и премии, а такие настоящие герои, как я, остаются в неизвестности. А народ должен знать своих...

— ...героев в лицо, — подхватила Александра. — Это девиз его передачи. Понятно. Усачев — великолепный профессионал самой похабной разновидности журналистики. Он нарочит любой скандал даже там, где его нет, и любой ценой, включая самые грязные методы. Помнишь, как он едва не довел до суицида Валю Елагину?

— Я не смотрю его передачи.

— Ну, молодая актриса, восходящая звезда, талантливая девочка, — так он принялся полоскать перед всеми проделки ее отца, коррумпированного депутата, намекая, что именно он устроил дочке на фестивале приз за лучшую женскую роль. Полнейшая ложь! Я знаю Елагину, она с пятнадцати лет со своим отцом не разговаривает! Знаешь, что меня больше всего бесит в Усачеве? Что он держит всех за идиотов. Спел лисью песенку: «голубушка, как хороша, какие перышки, что за душа», и уверен, что купил всех с потрохами! После чего беззастенчиво выворачивает эти самые потроха... И Валя, дуреха, тоже купилась на его лесть.

— А знаешь, что больше всего бесит меня?

Что он прав: идиотов слишком много. Если бы это было не так, его передача не была бы столь популярна. Но у него отбоя нет ни от «гостей», ни от горячих поклонников.

— Пожалуй, Алеша, я бы на твоём месте согласилась... Просто чтобы доказать ему, что не все такие безмозглые...

— Стоит ли ввязываться в эту лабуду? Зачем? Кому это нужно? Зрителям? Так если у них мозгов нет, то уже и не прибавится...

— Мне. У меня еще за Валю Елагину к нему счета. Руки пока не дошли, но давно чешутся.

— Ага. Руки чешутся у тебя, а отдуваться должен я?

— Боишься?

— По-моему, мы начинаем разговор сначала: не хочу оказаться в роли клоуна. Я ведь буду в прямом эфире, а нужные ответы иногда находятся слишком поздно. Я не мастер по словесным пикировкам.

— А ты поначалу прикинься дурачком простодушным, подыграй ему. За это время ты сможешь обдумать, как повернуть разговор. И когда он уже будет уверен, что ты у него в кармане, — выдашь Усачеву все, что ему причитается...

Он согласился. Он, собственно, с самого

начала знал, что согласится. И не только потому, что Александра его попросила, нет. Просто так он был устроен. Кис давно не верил в торжество справедливости, давно не питал никаких иллюзий на сей счет. Да и само понятие справедливости слишком туманно, неконкретно, «амбивалентно», как выражалась Александра, — или, проще говоря, у каждого всегда находится своя правда. Но *несправедливость*, напротив, была всегда конкретна, осязаема, и Алексей на нее реагировал кожей, она почему-то всегда оказывалась его личным делом. Разумеется, он знал, что всю грязь никому не под силу одолеть, но считал, что маленький участок, который у тебя под ногами, вычистить можно. Или можно попробовать, скажем так.

И вот теперь он вязал перед зеркалом душегубку-галстук, собираясь в Останкино.

— Значит, ты делаешь польщенный вид, — наставляла его Александра на прощание, — и киваешь-поддакиваешь на все комплименты и лесть Усачева. До тех пор, пока он не расслабится и не предоставит тебе слово, считая, что ты уже вполне прожарился на костре своего тщеславия. Вот тогда ты и скажешь все... Я буду у экрана, Алеша, я буду с тобой...

* * *

Бессмысленно проболтавшись по улицам больше двух часов, Майя остановилась у какого-то бара на Проспекте Мира.

Бар был пустым, в нем по западной причуде почти не кормили и только предлагали разные напитки, от соков до самых крепких, да несколько видов легких закусок с тяжелыми ценами в у.е. Она села за столик и заказала коньяк. Бармен с любопытством смотрел на хорошенькую девушку, гадая, что же могло так испугать эту крошку, которую он, кажется, уже видел в своем баре... Над стойкой работал телевизор, начиналась передача «Автопортреты», Майя тупо смотрела на экран, на самодовольное лицо Усачева — уж этот-то портрет вся страна знает...

Усачев объявил гостя передачи, частного детектива Алексея Кисанова, и Майя сморщила нос: где-то она слышала эту фамилию... В голове гудело, будто ее огрели чем-то весьма увесистым, и мысли обтекали случившееся, как толпа обтекает раздавленную кошку, отводя глаза и стараясь не фиксировать в памяти жалкое зрелище поруганной маленькой жизни. Она уткнулась в рюмку коньяка, обхватив ее обеими руками, словно хотела о нее погреться, склонившись носом, шеей, спиной к янтарному напитку, вдыхая его терпкий запах... И вдруг снова уставилась на экран. Потом вскочила.

Дернулась было к выходу, но тут же обратно к столику, сделала два глотка коньяку, и опять к выходу.

— Эй, а платить кто будет? — крикнул бармен ей вслед, но Майя уже была на улице. Он не стал ее догонять: убытку почти никакого, два глотка. Он вылил остаток рюмки обратно в бутылку и покачал головой.

Добравшись до Останкина, Майя снизу позвонила: «Аленка, мне нужно срочно с тобой увидеться, закажи пропуск! Случилось, случилось, просто ужас, сейчас объясню».

Нервно переминалась у окошечка, пока не получила заветную бумажку, промчалась мимо постового и кинулась к лифтам.

Алена уже ждала ее в холле у лифтов на шестом этаже, обеспокоенная. Майка, со своей маленькой ладной фигуркой, светло-рыжими, золотыми волосами и зеленовато-голубыми глазами, с белой кожей и легкими веснушками по первому солнцу, была похожа на какую-нибудь принцессу из рисованного мультика, прозрачную и невесомую, очаровательную и взбалмошную. А у рисованной принцессы в ее рисованной жизни не может, по определению, случиться ничего плохого; в ней надежные друзья в виде ослика и пса распевают стройным хором жизнерадостные

песенки, принц появляется строго в назначенное время, а злодеи всегда побеждены и выставлены на посмешище.

Но сейчас голосок Майи встревожил ее не на шутку. Алена нетерпеливо поглядывала на лифты, но почему-то ни один не желал останавливаться на ее этаже.

И только когда истекли пятнадцать минут, в которые можно было пятнадцать раз спуститься и подняться на шестой этаж, Алена вдруг, отчего-то холодея, вспомнила их разговор двухнедельной давности...

* * *

...Посреди захватывающей беседы о марках губной помады Майя внезапно спросила: «Показать тебе мои статьи?»

Девушки утонули в низких диванчиках и полумраке бара телецентра в Останкине. Алена сидела прямо, едва склоняясь к низкому столику, на котором стояли коктейли и кофе, заказанные подругами. Майя, напротив, почти уткнулась в свой стакан и пыталась достать соломинкой вишенку со дна. Они были ровесницами, двадцать шесть лет, но издалека можно было их принять за маму с дочкой: высокая Алена с величавой осанкой и мелкая хрупкая Майя, со шкодливыми и нетерпеливыми

повадками ребенка. Алена никогда не меняла разворот плеч и свой интерес к собеседнику или предмету обозначала лишь легким наклоном головы, тогда как Майя, казалось, гибко группировалась всем телом, как обезьянка, вокруг объекта ее интереса. С Аленой, крупной, статичной в своей пластике и солидной в манерах, они абсолютно не сочетались, но, может, именно поэтому и дружили: они были настолько разными, что соперничать было бессмысленно.

— Статьи? Ты стала писать? — Алена с сомнением посмотрела на подругу. Пожалуй, она так и относилась к Майе: как к милому ребенку, которого можно баловать (что и делали все поголовно), но от которого невозможно ждать серьезных шагов.

— Вернее, репортажи. Уже четыре вышло. Смотри.

— Марк тебя пристроил? — спросила Алена, принимая стопочку тонких еженедельных развлекательных дамских журналов.

— Ага! — беспечно отозвалась Майя.

Она никогда не стеснялась рассказывать о том, кто и как устроил ее дела. На факультете журналистики Майя вызывала ярую, возмущенную зависть сокурсниц, оттого что у нее постоянно и неотвратимо находились поклонники или просто доброты, которые помогали ей подготовить

доклад или курсовую, провести ее на элитарное мероприятие, куда остальные не смели и мечтать попасть, — у мужчин Майка стабильно провоцировала неумное желание ее опекать и о ней заботиться. Поднесенные дары и услуги она принимала весело и охотно, без малейших комплексов, словно так и должно быть. Никто и не удивился, когда Майя выскочила замуж за богача и очаровашку Марка Щедринского: все привыкли, что судьба (в лице мужчин) ее балует.

— Я могу взять? — спросила тактичная Алена, мазнув взглядом по первым строчкам статьи: не хотела читать при подруге, была уверена, что Майка способна написать только полную чушь.

— Бери.

Алена хотела было уже убрать журналы в сумку, как вдруг ее внимание привлекла одна фотография. Она ткнула аккуратным ногтем со светлым лаком: «Где это?»

— На открытии культурного центра при Швейцарском посольстве. А что?

— Это Касьянова, Александра?

Майя заглянула в журнал.

— Ну да. Терпеть ее не могу! Задается — тушите свет!

— Но пишет отлично.

— Плевать, как она пишет, — дернула плечиком Майя. — Не люблю, когда на меня

смотрят свысока.

Алена не знала, была ли тут игра слов, Майка могла иметь в виду всем известную манеру Касьяновой себя держать, холодноватую и как будто отчужденную, которую многие находили высокомерной. Однако для Майки проблема могла оказаться не в манере, или не только в ней, а еще и в росте: маленькая Майка не выносила высоких женщин, а Касьянова была высокой. Алена не в счет: она свой, прирученный гигант, домашний мамонт с уздечкой, который по своему врожденному добродушию покладисто подставлял спину норовистой Дюймовочке.

— А вот, позади Касьяновой, видишь? — решила не вдаваться в тему Алена. — Это ее бойфренд... Между прочим, Димка Усачев его в передачу к нам заманил.

— Ну ты скажешь! — фыркнула Майка. — Какой же он «бой»? Ему крепко за сорок!

— Не придирайся. Пусть будет любовник. Или как тебе больше нравится: хахаль? Сожитель?

— Да никак он мне не нравится!

— А по-моему, вполне ничего... Он частный детектив, знаешь? Кисанов Алексей.

— Слыхала, слыхала... На киску не похож.

— При чем тут?.. — удивилась Алена.

— Ну, фамилия — Кисанов.

Алена озадаченно посмотрела на Майю.

— Да нет, я шучу, фамилия тут ни при чем. Просто, чтоб такую стерву терпеть, надо быть ручной киской. А он не похож. Интересно, как он ее выносит?

— Ага... — пробормотала Алена. — Понимаю... Ты ей свои статьи показывала? И она их зарубила?

— Вот еще, — дернулась всем телом Майя, — Маркуша все устроил, я ни у кого ничего не просила. Просто пришел и сказал: будешь писать для начала вот для этого еженедельника. — Майя ткнула пальчиком в журнальчики. — И все.

Алена не стала вдаваться в подробности. Самолюбия у рисованной принцессы было предостаточно. Майкиному замужеству, безбедному, беспечному и бездетному (разве могут быть дети у Питера Пена или Дюймовочки? Нет, леденец на палочке приватизирован Майкой пожизненно и по наследству не передается!), завидовало пол-Москвы, но Алена знала, что сама Майка комплексует, видя, что бывшие сокурсницы успешно делают карьеру.

— На самом деле эти статьи — это так, ерунда, для отвода глаз, — небрежно произнесла Майя.

— Что ты имеешь в виду?

— У меня есть кое-что посущественней... Кое-что, что произведет ба-а-альшой переполох. И

очень скоро!

— Где произведет переполох? — не понимала Алена.

— Там, — Майя подняла глаза к потолку.

— Ты о чем, Майка?

— Я пока не могу тебе сказать. — Майя приняла важный и таинственный вид. — Но скоро у меня будут такие материалы... Закачаешься! Разоблачительные. В высшей степени!

— Ой, ты меня заинтриговала! — произнесла Алена, только чтобы польстить подружке. Она не очень-то верила Майке. — И кого разоблачать будем?

— Мафию, — серьезно ответила Майя. — И коррупцию на самом верху.

— Коррупцию — в чем?

— Нелегальный бизнес. Проституция и наркотики.

— Ну ты даешь! Откуда же у тебя такие материалы?

— Да так... Секрет. Я кое-что случайно узнала, подумала, навела справки и поняла, что напала на золотую жилу. Удалось уломать кое-кого, мне обещали достать документы, видеозаписи... В общем, это будет бомба.

— А Марк тебе твои материалы поможет напечатать? — выдвинула предположение Алена.

— Ты что?! Он ничего не знает! Иначе он бы меня уже давно дома запер и охрану приставил! Нет, Марику и знать не надо. Да и никакая помощь мне не нужна! Когда моя «бомба» будет готова — все средства массовой информации сами встанут в очередь с протянутой рукой, вот посмотришь! Но пока я не хочу ничего рассказывать. Чтоб не сглазить.

— Ну, раз не хочешь, так не надо, — согласилась Алена, гадая, что, по разумению вечного ребенка, может называться «бомбой».

— Зачем этот детектив Усачу зандобился? — вдруг вернулась к оставленной теме Майя.

— Хочет сравнить частников с милицией.

— Бог в помощь. Вернее, дьявол. А я могу на запись прийти?

— Он в прямом эфире будет. Ты же знаешь, у Усачева в передаче всегда есть «живые» пятнадцать-двадцать минут для тех гостей, на которых он делает особую ставку. Если ему удастся детектива расколоть, так сразу в эфир пойдет. А при записи, ты же понимаешь, начнет гость права качать: вырежьте эти слова, вырежьте те...

— И чего Касьянова в нем нашла, в этом детективе, интересно? — презрительно прищурилась Майя.

— Оно тебе не до фени?

— И он согласился?

— Как видишь.

— Я бы на его месте не пошла к Усачу. Он своих гостей уделывает, как котят!

— Тем не менее людям приглашение в передачу льстит. Как любит говорить Усачев: «Вам трудно себе представить, как далеко может завести человеческое тщеславие!» И, как видишь, он прав: на передачу ломятся желающие явить миру «автопортрет», а зрителя присасывает к экранам.

— Циник он, твой Усачев. Ему надо было назвать свою передачу не «Автопортреты», а «Ню»²!

— Или — «Автоню»! — засмеялась Алена. — Гости-то сами раздеваются!

— Ага, после такого промыва мозгов, который Усач устраивает, и не то сделаешь! Впрочем, если этот дефектив Касьянову ухитрится выносить, так ему и Усачев не страшен.

— Сдалась тебе Касьянова!

— Думаешь, Усачев его расколет? Этот детектив, он же сам бывший мент, своих не продаст!

— Обычно у Димки сбоев не бывает, ты же знаешь. «Вам трудно себе представить, как далеко может завести человеческое тщеславие...»

---

² Обнаженная натура.

— Ты с ним разговаривала?

— С Кисановым? Да.

— И как он тебе?

— Не так прост, как кажется. Сдержан в манерах, смотрит мягко, но чувствуется определенная жесткость в характере... Думаю, мужик порядочный, но не слюняй. Такой, знаешь, тип, с принципами...

— Мент, одним словом, — подытожила Майя. — Хоть и бывший. Пусть Усачев меня в передачу пригласит: если у мента окажется тщеславия недостаточно, то перед *красивой женщиной* он наверняка дрогнет!

— Майка, ну смотрю я на тебя и не понимаю: ты и впрямь глупая или придуриваешься?

— А чего я такого сказала? — пожалала плечиками Майя.

Другая бы, наверное, на месте Алены обиделась: Алена была вполне хороша собой, и Майкина нахальная постановка вопроса была вопиющей бестактностью. Но Алена привыкла к выходкам рисованной принцессы, к ее невинному, непосредственному эгоцентризму: Майка была главной и единственной героиней своего мультипликационного существования, так было задумано в сценарии и утверждено худсоветом окончательно и бесповоротно.

— Это же передача Усачева, он всегда ведет

ее сам и гостей своих колет вполне виртуозно — ну при чем тут ты?

— Ну... Я просто не успела подумать. Ты же знаешь, я иногда говорю раньше, чем думаю.

— Уж знаю, — фыркнула Алена, предположив про себя, что Майка, может, и впрямь размечталась, что Усачев тоже «перед красивой женщиной дрогнет» и ее в передачу пригласит. Раз уж Майка статьи в дамском журнале принялась писать, значит, ей окончательно наскучило безделье. И самолюбие загрызло. А телевидение-то и для веселья, и для самолюбия — развлечение покруче, чем тоненькие еженедельные издания для домохозяйек... Хотя она тут что-то говорила о разоблачениях на самом верху, которые она якобы готовит... Придумала небось, мифоманка! Впрочем, никогда не знаешь, какие мысли могут порхать в золотой стрекозиной головке.

— Майчик, мне пора, а то меня небось уже ищут. — Алена вознеслась на всю высоту своего роста, перекинула волосы за плечи, сумку на плечо, одернула тугий пиджак и двинулась к выходу. Майя семенила рядом, словно дитя, не поспевающее за деловитой мамой. — Приходи на следующей недельке, — говорила Алена, шагая, — я тебе пропуск закажу, скажешь, на какой день. С этими чертовыми съемками только в рабочее время и можно повидаться с подружками...

В холле у лифтов они распрощались. Алена поднялась на шестой этаж, Майя танцующей походкой направилась к выходу, небрежно сунув постовому подписанный пропуск, мельком с привычным удовлетворением отметив заблестевший в мужских глазах интерес...

...Вот этот-то всплывший в памяти разговор и заставил Алену вдруг похолодеть: Усачев как раз сейчас был в эфире, а ну как бедовая Майка и впрямь решила в передаче поучаствовать? Она испугалась не на шутку — ведь потом легко выяснится, кто Дюймовочке пропуск заказывал, и, случись что, Алена будет виновата!

Алена резко вскочила в подъехавший как раз лифт, нажала кнопку второго этажа, на котором находились студии, и холодок в ее животе сгустился.

* * *

...Майя вышла на третьем, где располагались аппаратные. В коридор вела кодовая дверь, у всех сотрудников, имеющих допуск, был магнитный ключ, но Майя знала, что обычно сотрудникам лень без конца открывать эту дверь и они — о человеческая халатность, неистребимая и вечная! — просто прикрывали ее, не защелкивая.

Майя оказалась права, дверь была всего лишь прикрыта. По тихому ворсистому коридору, вбирающему звуки, она двинулась к нужной аппаратной — любопытная Майя столько раз бывала здесь с Аленой, что теперь ориентировалась безошибочно.

Она потянула на себя дверь и окинула беглым взглядом человек пять, сидящих у многоцветного сияющего пульта с мониторами, — режиссер, ассистент, техники. Позади был еще один пульт, отделенный стеклянной перегородкой, — Майя знала, что на нем работают звуковики. А впереди находилась огромная стеклянная стена, за которой внизу была видна студия. Она поняла, что не ошиблась дверью: на мониторах и за стеклом внизу, на ярко освещенной площадке, торчали Дмитрий Усачев, ведущий, и Алексей Кисанов, частный детектив и гость передачи.

Почти никто не повернулся в ее сторону. А те, кто повернулся, тут же уставились обратно на мониторы: мало ли кто тут шастает, то ли ищет кого, то ли случайно заглянул.

Но когда Майя шагнула в аппаратную и рванула к лестнице, ведущей вниз, в студию, вслед ей закричали: «Девушка, куда вы, туда нельзя!» Но Майя не повернула и головы, она сбежала по лесенке вниз, обогнула какую-то декорацию и увидела залитую светом выгородку, окруженную

камерами и осветительными приборами.

За стеклянным треугольным столом сидели на высоких, как в барах, табуретках, тоже стеклянных, Усачев и Кисанов. Картина была немного странной: толстый Усачев благополучно облепил телесами табурет, тогда как Кисанов словно парил в воздухе...

* * *

...Поза была довольно странной, неудобной. Алексей видел себя на мониторе: он словно завис в воздухе, по-дурацки поджав под себя ноги, опирающиеся на невидимую перекладину. Мелькнула мысль, что так задумано хитрым Усачевым неспроста: он намеренно вызывал у своих гостей чувство дискомфорта, чтобы было проще выбить их из привычного самоощущения и неожиданно спровоцировать. Под лучами софитов было невыносимо жарко, хотелось вытащить платок и обтереть лицо, но он стеснялся сделать это перед камерами и оттого еще больше злился на Усачева.

Усачев уже заканчивал свою «лисью песенку», и Кис только удивлялся, откуда тот информацию накопал о подробностях дел, которые Алексей расследовал. Впрочем, особо долго ломать голову не приходилось, ибо существовало только

три возможных варианта: рассказать о чужих секретах известному ведущему мог или он сам, Алексей, либо его клиенты, либо кто-то с Петровки, с которой Алексей регулярно сотрудничал, обмениваясь информацией в расследованиях. Поскольку первое и второе легко и уверенно исключалось — сам Алексей доверенные ему тайны хранил, как несгораемый сейф, а уж его клиенты тем более, — то оставалось третье: у Усачева должны быть информаторы в милицйских кругах.

Усачев, явно довольный собой, рассказывал доверительно и задушевно в объектив камеры о том, как Алексей Кисанов, настоящий герой, «которого теперь оценит по заслугам вся страна и к которому, без сомнения, теперь толпами повалят все потенциальные клиенты», ловко раскрывал сложнейшие дела. В то время как бесполезная и прогнившая организация под названием милиция, на содержание которой честные налогоплательщики отрывают от кровного семейного бюджета кусок, не в состоянии обеспечить гражданам ни защиты от преступников, ни их поимки! Напротив, эта насквозь коррумпированная организация уже давно превратилась в превосходное орудие прикрытия бандитов — от честных граждан и от правосудия!..

Алексей легонько кивал головой, как бы соглашаясь, в такт речам ведущего. И когда Усачев,

уверенный в том, что жертва схвачена надежно и уже рыпаться не будет, предоставил ему слово, Алексей проговорил с любезной улыбкой: «Вы тут меня почти задушили комплиментами... У меня для вас есть ответный: вы потрясающе осведомлены. Информация об этих делах является строго секретной, совершенно не представляю, как вы могли ее раскопать?» — и с простодушным видом уставился на Усачева.

Ведущий расплылся.

— У меня есть свои маленькие профессиональные тайны. Предмет журналистики — это информация. Кто-то производит йогурты, кто-то — машины. Основной товар, который журналистика предлагает потребителю, — это информация, и мы, журналисты, делаем все, чтобы людей этим товаром обеспечить, то есть его добыть...

— И выгодно продать, — закончил за него Кис. — Не буду спрашивать о ваших доходах, но всем известно, что заработки телевизионных ведущих выходят за пределы воображения... Разумеется, вы можете потратить часть ваших заработков на покупку информации? Или в бюджете передачи предусмотрена специальная статья расходов? Поскольку я вам о своих расследованиях не рассказывал, а мои клиенты тем более, то следует предположить, что вы

оплачиваете услуги кого-то из милицейских работников в обмен на информацию... Правильно?

— У меня там друзья, это естественно... — Усачев осторожно кивнул, не понимая, куда клонит Алексей.

— ...Которым вы платите за информацию, — закончил за него Алексей. — То есть вы по существу один из тех деятелей, которые коррумпируют милицию, — сообщил задумчиво Алексей, послав улыбку в камеру для Александры.

— Что вы, вовсе нет! — спохватился Усачев. — Это вовсе не является коррупцией, это святая святых, это информация, каждый гражданин демократической страны имеет право на информацию, оно гарантировано Конституцией...

— Вы приходите к человеку, — перебил его Алексей, — который получает в месяц в лучшем случае сумму, которую вы имеете за один день. И вы легко подкупаете его для того, чтобы он, в нарушение всех инструкций и просто этики, выдал вам секретные сведения, после чего вы их разглашаете на всю страну, зарабатывая популярность. Если это, по-вашему, не коррупция, если это в порядке вещей, то будемте снисходительны и к бандитам: они тоже покупают «информацию» о ходе расследования их грязных дел, что позволяет им опережать действия милиции и вовремя заметать следы. Это вполне вписывается

в ваш подход к вопросу, верно? У бандитов тоже в милиции «друзья», точно как у вас. И друзья им помогают, как и вам, по дружбе. Выражающейся в увесистых, надежных, зеленых дензнаках. Я не намерен обсуждать с вами моральную сторону вопроса, я только хочу уточнить: чем это вы, собственно, только что так возмутились, когда ругали милицию?..

* * *

...Сказать, что она ворвалась на съемочную площадку, было бы явным преувеличением, ее фигура была слишком хрупка, чтобы произвести физическое действие, достойное этого глагола. Скорее влетела, как дуновение ветра, и внезапно укоренилась прямо между мужчинами — почти рост в рост с сидящими — и, переводя безумные глаза с камеры на камеру, заговорила срывающейся скороговоркой:

— Я хочу сделать заявление... Моего мужа убили... Меня обвинят, потому что все подстроено так, чтобы подумали на меня... Но это не я!.. Меня подставили!.. Это мафия! Я, Майя Щедринская, журналистка, я вышла на очень крупную организацию, занимающуюся поставкой наркотиков в Россию и русских девушек в иностранные бордели. В ней замешаны

высокопоставленные лица, крупные государственные чиновники, у меня есть компрометирующие материалы, и теперь они все так специально подстроили, чтобы подумали на меня!..

Усачев дернулся всей своей грузной массой и вцепился в плечо девчонки.

— Безобразие! — прошипел он. — Что это за бред? Где охрана? Кто вы такая? Кто вас сюда пустил?!

Но, вспомнив, что он в эфире, отпустил девчонку и снова повернулся к камере, улыбаясь, хоть и кривовато:

— Как видите, дорогие телезрители, у нас тут некоторое незапланированное происшествие. Прошу нас извинить, это недоразумение, мы сейчас разберемся.

— Они хотят меня уничтожить! — звенел срывающийся голос Майи, перекрывая слова Усачева. — Я обращаюсь ко всем: если со мной что-нибудь случится — знайте, что...

— Запись! — рыкнул Усачев, склоняясь к лацкану пиджака, где торчал маленький микрофон.

— ...Что это мафия! — выкрикивала Майя.

— Немедленно дайте запись! — прохрипел в отчаянии ведущий.

Но в наступившее короткое замешательство камера ослушалась и сделала наезд крупным

планом на непрошеную гостью, бледную от отчаяния и страха, с глазами, расплескавшимися на пол-лица, как вышедшее из берегов озеро.

Потом камера успела схватить фигуру охранника, который вбежал в студию и теперь направлялся быстрым шагом к столу, где находилась вся троица, и тут же вернулась на лицо девушки, с ужасом смотревшей на его приближение; затем объектив скользнул по разъяренному лицу Усачева и невозмутимому — Кисанова и снова нашел застывшую в напряженной позе фигурку девушки... И здесь камера за что-то зацепилась своим глазком, на что-то нацелилась, пока непонятное, пока смутное... Наезд крупным планом... И ах! — выдохнули миллионы телезрителей у экранов: в центре кадра ясно очертился пистолет. Небольшой, карманной модели, в которой знаток опознал бы «вальтер».

Вот ручонка, неотступно сопровождаемая камерой, поднимает пистолет; вот его для верности прихватывает вторая ручонка, вот, помедлив, поколебавшись мгновение, пистолет выбирает направление и...

И утыкается в висок почетного гостя, героя, которого теперь уж точно вся страна будет знать в лицо: в висок Алексея Кисанова, частного детектива.

Охранник оторопело замирает, не зная, что

предпринять.

— За-апись! — проорал Усачев.

В эфир наконец пошла та часть передачи, которая была сделана в записи, но камера все снимала, увековечивая кадры, которые позже будут рассмотрены с пристрастием следствием в замедленном прогоне.

— Не вздумайте звать милицию, — говорит хрупкое создание, обводя присутствующих заледеневшими глазами. — Иначе я его пристрелю.

В дверях студии уже начал толпиться народ, еще двое из местной охраны протискиваются вперед и останавливаются, сраженные неожиданным поворотом дела.

Немая сцена, народ безмолвствует. И потому особенно отчетливо слышен тонкий голосок, в котором вдруг зазвенели металлические нотки:

— Пошли, — командует она, — с вещами на выход, господин сыщик.

Обалдевшая толпа расступается и дает пройти этой странной парочке. До виска Кисанову, вставшему во весь рост, девушка теперь не достает, но зато держит пистолет прямо под его лопаткой. Одно неосторожное движение, и эта истеричка и впрямь может выстрелить...

Алексею происходящее казалось какой-то

буффонадой, но его лопатка чувствовала вполне реальное дуло. Маленькая лапка держала пистолет крепко, хоть сама девица вся дрожала, как мокрая собачонка. Кис подумал, что было бы очень просто вывернуться из-под дула, достаточно резко пригнуться и опрокинуть девчонку через себя, но, с одной стороны, есть риск, что дуреха с перепугу начнет палить невесть куда, если, конечно, ее пистолет вообще заряжен, с другой — ситуация Киса необычайно забавляла и даже интриговала его профессионально натренированное любопытство.

Охрана следовала за ними на некотором расстоянии, но в лифт крошка с пистолетом никого не пустила под угрозой открыть стрельбу. На пост при выходе была передана команда пропустить, и вот уже двое — издалека можно было подумать, что девчушка пытается обнять папу, но ручка, не дотянувшись до мужского плеча, просто замерла на спине, — вышли на улицу.

Стадо милицейских машин уже где-то подвывало сиренами, приближаясь; дуло пистолета подпихнуло Алексея в спину: поживее! Кис проворчал: «Осторожно, девушка, вы вообще-то обращаться с оружием умеете? А то пристрелите меня, не ровен час, что будете делать тогда без заложника? Заложника беречь надо...»

Ответом ему было тихое нежное: «К вашей машине, быстро! Ключи! И поосторожней с

карманами, я успею выстрелить раньше, ясно?»

Кис, не оборачиваясь, залез в карман и протянул назад связку. Раздался щелчок кнопки центрального замка.

— За руль!

Она скользнула на заднее сиденье «Нивы» Киса и пристроилась с пистолетом за его спиной.

Кис, которому было велено ехать, тронулся, усмехаясь. Он развлекался: его похищали! Да кто! Какая-то писюха с почти игрушечным пистолетом.

Цирк, оперетта, мультик, и только.

* * *

Он ехал на совесть быстро. Как бы ни смешна была девчонка за его спиной, выстрелить она могла — от отчаяния, от нетерпения, нечаянно дернувшись... А вкупе с его любопытством подобная вероятность была хорошим стимулом.

Они исчезли из виду раньше, чем милиция успела понять, в чем дело, в каком направлении исчезла беглянка с заложником, и передать дорожному патрулю номер машины Кисанова. Они успели проскочить Алтуфьевское шоссе, притормозив до приличной скорости у поста ГИБДД, и сразу за Кольцевой углубились в какие-то проселочные дороги. У обочины леса девчушка велела остановиться. Плотно прижимая

пистолет — на этот раз к шее Алексея, — она заставила его пересесть на пассажирское сиденье, сама перебралась вперед на водительское и, приказав держать «руки вверх», обшарила его карманы. Оружия в них не оказалось, зато во внутреннем кармане она нашла мобильник, который тут же и отключила. Затем открыла бардачок, покопалась в нем и обнаружила пару наручников. Дитя возликовало: ого, настоящие! И велело детективу подставить руки. Прикусив от усердия язычок, удовлетворенно защелкнуло наручники на мужских запястьях. После чего она тщательно завязала ему глаза шелковым душистым шарфиком, снятым с нежной шейки.

Покончив с процедурой взятия в заложники, девушка набрала по своему мобильному номер и проговорила: «Веня? Это я... У меня беда. Я могу к тебе приехать прямо сейчас? Только я не одна. Спасибо, я знала, что ты так ответишь».

По короткому треньканью Алексей сделал вывод, что она отключила и свой мобильный. Стало быть, девица знает, что по работающему сотовому можно установить ее местонахождение. Ишь ты, какой нынче народ пошел образованный...

Если только, конечно, эта девица в качестве представителя народа не продумала и не разузнала все специально заранее...